

Михаил Веллер

**Что такое не везет и
как с ним бороться**

«АСТ»

2012

Веллер М. И.

Что такое не везет и как с ним бороться / М. И. Веллер —
«АСТ», 2012

ISBN 978-5-271-41357-5

«Что такое не везет и как с ним бороться» М.Веллера – учебник жизни в форме коротких увлекательных повестей, объединенных центральным героем: как стать везучим, как стать красивой, а главное – как обрести счастье.

ISBN 978-5-271-41357-5

© Веллер М. И., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Своя рука – владыка	5
Нить жизни	17
Что такое не везет и как с ним бороться	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Михаил Веллер

Что такое не везет и как с ним бороться

«Делай что должен, и будь что будет».
Рыцарский девиз

«Надежда в Бозе, а сила в руке».
Надпись на клинке гетмана Мазепы

Своя рука – владыка

– Леня, ты совсем не интересуешься перестройкой, – упрекнула жена из-под вороха газет, в то время как телевизор сулил крушение Ленинграда по всем статьям вплоть до кислородного голодания.

– Да, – флегматично согласился Звягин, – я совсем не интересуюсь перестройкой. – Он перелистнул атлас кошек, изданный в ГДР, которая ныне уже не существовала. – Ты знаешь, чем отличается сиамская пуховая от сиамской короткошерстной?

– Ты аполитичен! – с негодованием констатировала жена.

– Я аполитичен, – кротко кивнул Звягин, любуясь кошачьим портретом.

– А в газетах пишут...

– Я знаю, что пишут в газетах.

– Что же?

– Все то же.

– А именно?

– Что жрать нечего. Что Союз разваливается. Что экономика впадает в столбняк. Что выгоны не разгружены, депутаты продажны, прошлое трагично, будущее мрачно, а вообще я не люблю коллективных неврозов.

– А что ты любишь? – поинтересовалась жена.

– Чтобы было интересно. И лечить людей. Первое – от характера, очевидно, второе – от профессии.

– А это тебе не интересно?! – и она, с характерными интонациями учительницы с двадцатилетним стажем, стала читать о благополучном пенсионерстве палача, пытавшего Вавилова.

– Я бы его убила! – с прямой звенящей юности отчеканила дочка, появившаяся в дверях.

– М-да? – зевнул Звягин. – И как же бы ты его убила?

– Расстреляла!

– Из чего? Из косметички?

Всклубился легкий семейный спор о преступлении и наказании, причем насколько агрессивна и непримирима была женская часть семьи, что школьница, что школьная учительница, настолько же добродушен и покладист был муж и отец семейства.

– Можно подумать, ты не носил офицерскую форму!

– Что выдавали, то и носил.

– Как ты можешь, с твоим равнодушием к людским страданиям, быть врачом!

– Легко и беззаботно. Тут главное – хорошо выспаться, – и Звягин поднялся с любимого дивана и проследовал в спальню. – Жду жену с первым дилижансом! – крикнул он оттуда.

Утром, вскочив бесшумно (разминка, душ, кофе – было воскресенье, и домочадцы отсыпались), он перелистал газеты, пробежал давешнюю заметку и задумался коротко: в глазах проявлялась улыбка угрюмая.

На «скорой», если воскресенье выпадает на середину месяца и погода приличная – чтоб меньше автослучаев, можно и расслабиться слегка: в свободное время, давно зафиксировано, людям реже требуется срочная медицинская помощь. Судачили – надоело:

– У «Гостиного» болгарские по три ре пачка – всегда...

– И чуть не сотня случаев по городу – потравились все этим узбекским виноградом.

– Продовольственные поставки в рамках джихада!..

– Я все понимаю, но почему шапок-то нигде нет!..

– И что поразительно: бензина нет – а автослучаев больше...

Выехали на вызов, шофер музыку врубил, фельдшер подремывал в салоне – молод, явно нажрался вчера, в субботний-то вечер, несмотря на дефицит спиртного; дефицит женщин ему, судя по темпераменту, слава Богу, не грозит.

– Гриша, – обернулся Звягин, – ты знаешь, что в старые времена говорилось: врач не стал врачом, пока не заполнил своими пациентами кладбище?

– То-то на кладбище очереди, – отозвался Гриша. – И это еще врачей не хватает.

Помолчав, Звягин ответил не совсем понятно:

– Каждому – свое место, – сказал он.

– И свое время.

– Точно, – сказал шофер.

Завизжали виражом под Охтинский мост.

– Увольняясь из ГБ, они меняли фамилии, – сказал Звягин, но на самом деле не произнес вслух, а лишь подумал. Любое лишнее слово нам ни к чему.

Отработав и вернувшись на станцию, плюхнулся в продавленное кресло под окном и скрестил вытянутые ноги: «Основа действий что? – план. Основа плана что? – информация. Основа информации что? – утечка на стыках. Податливые звенья кто? – клиентура. Лучшая клиентура кто? – женщины, разумеется. Так, майор, а теперь проведем археологические раскопки в нашей богатой и замусоренной памяти».

Лишь через сутки, дома, облюбовав страницу в записной книжке, пухлой, как батон, и тяжелой, как граната, он набрал телефонный номер:

– Татьяна Ильинична? Доктор Звягин беспокоит. Как здоровье? Это в порядке вещей... Достанем, какой разговор... Нет, просто так, ничего не нужно. От чайку никогда не отказывался. Свободен. Завтра в семь, так точно.

Посвистел «Турецкий марш», позвонил еще раз:

– Саша? Слушай, есть разговор. Да, ты упоминал как-то... Не телефонный, безусловно. А чего откладывать.

Еще пара звонков, и он заходил по ковру взад-вперед, сунув руки в карманы и удовлетворенно хмыкая; хмык получался с каким-то металлическим холодным мурчанием.

– Я об тебя руки марать не буду, – ласково пообещал кому-то Звягин. – Я тебя ножками стопчу. В пыль! Понял?..

Лицо его приняло выражение спокойной сосредоточенности, как у рулевого на штурвале, выцелившего точку курса на горизонте.

Татьяна Ильинична, отцветшая блондинка, принимала его в небольшой респектабельной квартирке – полуделовой, полубудуаре хорошо пожившей дамы.

– Какие цветы! Узнаю гвардию. Офицеры и джентльмены – это одно и то же.

Пили французский коньяк крохотными глоточками и цейлонский чай: говорили легко, с игривостью, на подтексте не существующего, но как бы не исключаемого флирта.

– Благодарю, – приняла она две упаковки регипнола. – Только хорошее снотворное может гарантировать хороший сон в наше время и в моем возрасте.

Звягин отвесил комплимент.

– Так чем могу отслужить в свою очередь? – осведомилась хозяйка с весомостью сильного человека, привыкшего выигрывать по правилам игр этого мира.

– Когда-то был я лейтенантом, – сказал Звягин, – и влип по молодости и неводержанности языка в скверную историю.

– Где и когда это было? – быстро спросила Татьяна Ильинична.

– И мне крепко помог один человек из вашего ведомства.

– Вот не знала о ваших делах с госбезопасностью.

– Недавно я наткнулся на его фамилию в газете. Причем в отрицательном смысле.

– Кто ж сейчас положительно отзывается о КГБ.

– Поскольку по характеру своему я не люблю собак, пинающих дохлых львов...

– Порядочным офицерам это свойственно.

– ...я бы хотел именно сейчас поблагодарить этого человека, уже старика, пенсионера, за сделанное им добро. Чтoб не считал всех подонками. Не люблю сливаться с обществом.

– Узнаю ваши капризы... – сощурилась Татьяна Ильинична.

– Не люблю ничего недоделанного, – ответил Звягин.

– Кто желает, но не действует, тот плодит чуму. Не знаете, кто это сказал? Вильям Блейк.

– Мне бы ваше образование.

– Как его фамилия?

– Тогда его фамилия была Хват.

Она чуть шевельнула бровью.

– В звании полковника или подполковника, очевидно.

– О нем сейчас стало известно много неблагоприятного. Если правда то, что пишут, – преступного даже.

– Меня это не касается!

Отпили чай. Она задымила тонкой американской сигареткой.

– Но я не работаю ни в кадрах, ни в архиве, милый Леонид Борисович.

– Простите, если это невозможно – вопрос снят.

– Ну... вовсе уж невозможного ничего нет.

Звягин, отведя как бы в задумчивости взгляд, повернул лицо в наивыгоднейший ракурс, подчеркивающий резкость черт, квадратность подбородка и холодную прозелень глаз.

– Экий вы голливудский киногерой. Так бы и врезалась по уши... да с вами ведь это безнадежно.

Махнула рукой, рассыпала смех.

– Вы не торопитесь? Достаньте-ка во-он ту бутылочку из бара. А просьба ваша – какая ерунда, попрошу из отдела послать запрос. Послушай, Звягин, – перейдя на ты, взглянула с нагой прямоотой, – я тебе нравлюсь?

Звягин мурлыкнул металлически и звякнул бокалом.

«Захотелось мартышке любви со слоном, тут-то она и лопнула, – попомнил он детский анекдот, выходя из ночного подъезда. – Есть и другой анекдот: „Так что, и это не помогло, спросил у дамы парень в белом халате; ну, тогда вам и вправду нужно доктора; а мы кто? да бригада маляров, работаем тут...“ На что только не пойдешь ради торжества справедливости», – съязвил он над собой.

Второй вопрос решился гораздо проще; да в наше время ничего особенно сложного в нем нет.

Саша, интеллигентнейший хрупкий молодой человек, встретил его милой улыбкой и рукопожатием тонкой маленькой руки – деревянными тисками каратэиста; Звягин с трудом пережал эту ручку и удовлетворенно крикнул.

– Мама только что спекла прекрасный торт. Торты – это ее слабость, хотя сейчас удовлетворять эту слабость все труднее, – словоохотливо и приязненно сыпал он. – Знаете, что такое торт «Горбачев»? То же, что наполеон, только без яиц, без сахара, без масла и без муки. Вы как – посидим на кухне или у меня?

Сели в его мужской комнате – квадросистема, книги, нунчаки.

– Ты говорил, что есть возможность кое-что устроить.

– В смысле?

– Время опасное.

– А. Пожалуйста. Что вас интересует?

– По-прежнему все есть?

– Ну, знаете, за гаубицу не ручаюсь, но насчет базуки, скажем, можно постараться.

– Ну, это чересчур.

– Баллончик «черемухи» – для вас двести пятьдесят. Фирменный немецкий – четыреста.

Или хотите газовый пистолет? – две тысячи, маленький, легкий, выброс пятнадцать метров.

– Чуть бы понастоящее.

– Да вот как раз можно «Кольт-магнум 53». Три с половиной.

– Это ж слонобой, тринадцать миллиметров.

– И прекрасно! Выкинет человека сквозь дверь на лестничную площадку.

– А грохоту?

– И прекрасно! Страху наведет.

– Пули с мягким кончиком?

– Не знаю этих подробностей. К нему пятьдесят патронов, по пять рублей штука.

– Что-нибудь скромнее. И компактнее, пожалуй.

– Так, может быть, макаров? Это возможно.

– А еще поскромнее?

– Ну, я думаю, спортивный вас не устроит?

– Хотелось бы чуть получше и посерьезнее.

– Гм. Так давайте определим, что вам требуется. Пистолет карманной носки, компактный, достаточно серьезный, без лишних эффектов. Патронов много нужно?

– В крайнем случае и обоймы хватит.

– То есть эта проблема снимается. Тем лучше... Вы ешьте торт, а то кофе остыл уже... подождите, я сейчас сварю новый.

– Не надо, обожаю прохладный.

Саша пожевал торт, чуть покрутил задумчиво подвижным, тонкой лепки личиком.

– Тогда, я думаю, вам вполне подошла бы «беретта» или что-то в этом духе.

– Подошла бы.

– Калибр 6,35, звук несильный, начальная скорость прекрасная, габариты и вес подходят, классическая модель, даже канонизирована в литературе.

– Пойдет.

– Хорошо. Насколько это срочно?

Звягин пожал плечами:

– Жизнь наша; обычный ответ на вопрос: «Когда должно быть сделано?» – «Вчера».

– Ну, у нас не социалистическое хозяйство. А серьезно?

– За недельку сможешь?

– Не уверен. Вот за три могу ручаться. А возможно и раньше. Понимаете, я ведь сам, строго говоря, этим не занимаюсь, только так, для друзей. А человек, который этим занимается,

мой школьный друг, кстати, в одном дворе росли, вот как-то старые отношения и сохранились, мне он всегда все устроит, сам предлагает, он сейчас в отъезде, как только вернется, мы с ним свяжемся. Понимаете, Ленинград ведь, оказывается, главный перевалочный пункт, через который поступает из забугорья оружие для армянских боевиков. Поэтому есть возможность все доставать, но как бы не совсем регулярно. Да, так если в смысле цены, я всегда готов вам помочь.

– Сколько?

– «Узи» сейчас стоит семь с половиной, калашников – пять. Это, я думаю... а если будет что-то малотирическое – оно дешевле, потому что патроны трудно достать, но если вас устроит всего одна обойма, но что-то вполне надежное, разумеется, – подойдет?

– Вполне. Но проверить надо.

– Естественно, качество – само собой.

– «Беретта», я думаю, должна стоять где-то от полутора до двух с половиной. А что-нибудь ушедшее с производства, но вполне в рабочем состоянии – браунинг номер два, три, скажем, или зауэр, или еще что, – могут и за одну по случаю отдать, с одной-то обоймой. К «узи», скажем, сейчас по пятьдесят рублей патрончик.

– Договорились.

– Как только что-то будет – я вам сразу позвоню.

«Вот зачем нужны доходы от частной практики – шпалеры покупать», – хмыкнул про себя Звягин.

– Как твоя челюсть? – спросил он.

– Спасибо большое, вроде нерв больше не беспокоит. Так что остаюсь вашим должником.

– А глушителями вы не занимаетесь?

– Оу, – Саша поднял руки, – это не по моей части. Глушители там запрещены законом, ведь честному человеку, равно как и полиции и армии, своей пальбы стесняться не надо, только для спецслужб, этого у нас даже не идет. Делают сами вообще, но вот тут, боюсь, я вам помочь не смогу.

– Да я знаю, – сказал Звягин, – так, на всякий случай.

По улице несло дивную питерскую промозглость, сумерки закручивались метлой, и, войдя в служебную проходную театра, Звягин отер с лица холодную тонкую влагу.

– Мне начальника реставрационных мастерских, – наклонился к стеклянному окошечку вахтерши, – Сыркова.

Она подняла очки от вязания:

– Местный его телефон знаете? – подвинула аппарат и протянула ему трубку. – Вроде был у себя.

Сыров, скандинавистый шкиперюга – лысина, борода, свитер на груди лопается – сграбастал его, отодвинул, огладил любовно льдыстыми немигающими голубыми глазами, неожиданно-опасноватыми на рыжем добром лице.

– Ну, Ленечка, – рокотнул, – с чем пожаловал? Неужто просто так?

– Здор-рово, Владлен! Имя менять не собираешься?

– Только на водку!

В начальническом закутке за мастерскими Звягин поиграл бутафорскими мечами и пистолетами. Сыров спросил о семье, пыхнул голландским табачком, похвастался очаровательным тяжелым револьверчиком, сделанным под малокалиберный патрон:

– Хочу к нему еще цельную обойму сделать, – вывалил барабан вбок.

– Слушай, сделай мне автомобильный номер.

– Чего это ты? Банк грабить собрался?

– Да нужно.

– Сделать-то несложно... А на что он тебе? Ты что, Ленечка, никак с рэкетирами связался?

– Влад, – ну надо. Считай, пошутить над приятелем.

Влад пронизывал немигающе голубыми льдинками удава; рокотал:

– Забавно, Лешунька, этим я еще не занимался. Из интересу можно попробовать. А что, сам не можешь? Я объясню как, дам материалов.

– У меня так не получится. Лучше я вас лечить буду.

– А иначе уж и не будешь?

– Всяко буду, – улыбнулся Звягин, настраиваясь на его тон.

Влад выдул из легких ароматный сноп «Клана».

– И размеры уж, поди, с собой готовы?

Звягин протянул ему бумажку с чертежиком.

– Так. Ясно... Правильно... Ну, допустим... А номер тебе какой?

Звягин зевнул безмятежно:

– Еще не придумал. Придумаю – позвоню.

– Ладно, – обдал радушием Влад. – Уж если Звягин просит – сделаем. Лучше настоящего.

Но, Леня, я надеюсь...

– И не вздумай волноваться. Мое слово!

Дома у Звягина, несмотря на его неизменную доброжелательную невозмутимость, что-то зачуяли: не то биотоки из него какие-то исходили, не то угрюмая боевая улыбка прорезалась то и дело в глубине глаз, как перископ подлодки.

– Похоже, и тебя достала действительность, – не без известной насмешки посочувствовала жена.

– Отнюдь. Я ее сам достану, – пообещал Звягин.

Вечером он достал с антресолей две коробки с фотографиями, весь семейный архив, и они втроем перебирали желтеющие реликвии кочевой биографии:

– Ой, папка! Какой ты был стройный лейтенантик, прямо смерть гимназисткам.

Документную фотографию в повседневной майорской форме Звягин сунул в карман. «Правда, петлицы десантные. Но ведь могут быть любые. Так, теперь осталось всего лишь найти хорошего художника... не столько живописца, сколько – кого надо. Ну, Таня-Танюшка, Татьяна трах Ильинична, уж не подведи, старая боевая лошадь... а то ведь повешу, на твоём же крючке от твоей же люстры и повешу, недрогнувшей рукой и на ненамышленной веревке... и хрен дознаются, вот что забавно».

– А теперь – впер-ред, хр-ромоногие! – скомандовал он офицерским рубленным рыком.

– А?! – подпрыгнула жена.

Дочка захохотала, посмотрела на часы и пошла в туалет.

«А слесаришка мне, пожалуй, и не нужен. Разовый глушитель можно и из чертежной бумаги склеить... или капустной кочерыжки вырезать. Эт мы сами с усами, сообразим... Кстати, насчет усов... усы? А что, сейчас каждый третий с усами... театральный магазин, или те же мастерские... только уже не Влад, нет».

Старая боевая лошадь Ильинична сработала первой, – и то сказать, ведомство серьезное:

«Березницкий Яков Тимофеевич, г.р. 1918, прож. г. Москва, Кутузовский пр., д. 84, кв. 19, т. 243–48–70. Пер. пенс. союз. зн.».

Яшенька, значит, ибн Тимофеич. Перпенс, значит. Аж союзного значения... нерушимый республик свободных... тресь – и в дамках. Я т-тя научу родину любить. Молилась ли ты на ночь, Дездемона. Понял, Миша? – вычеркиваю.

И в подтверждение вычерка протрещала телефонная очередь:

– Леонид Борисович? – милейший тенорок. – Ну, кажется, есть то, что вам нужно. Так что заезжайте, когда вам удобно. Но лучше не откладывать.

А зачем нам откладывать.

Звягин раскрыл блокнот и выбрал один из своих рабочих дней посреди недели. Вот накануне с Джахадзе или с Заможенко на этот день и махнемся, а фамилия в графике пусть останется. Билеты на «Стрелу».

...Из «Красной стрелы» он вышел отдохнувший, выспавшийся, весело-спокойный среди мрачноватого и суетного московского люда.

Клиент был на месте, это он знал, потому что вчера позвонили Березницкому, мягкий женский голосок из регистратуры его поликлиники, поинтересовались для уточнения, когда он последний раз проходил флюорографию.

Сдав сумку с кое-каким барахлишком, купленную на один раз в комиссионке, в камеру хранения, он спустился в метро и поехал на Кутузовский. Прошел по противоположной стороне мимо нужного дома, прикидывая место парковки машины. Потом поехал в Ясенево и шлялся там, пока не нашел то, что требовалось: стройку на отшибе за забором; запомнил приметы дороги, вернулся в центр, поймал за пятнашку частника и велел ехать туда, проехав сначала по Кутузовскому, а сам сверялся с картой Москвы и фиксировал путь.

После чего со вкусом и демократизмом пообедал в «Мак-Доналдсе» и отправился в кино, дабы занять время. Нервы, судя по всему, у Звягина отсутствовали напрочь.

В полутьме уже он вернулся на Ленинградский вокзал, забрал свою сумку и в туалете совершил небольшой шпионский маскарад: наклеил черные усики, натянул и приладил вороной парик и увенчал его кепарем-аэродромом. Пойдет.

На стоянке такси волновалась толпа, а в стороне нисколько не волновались таксисты. Звягин сделал жест, и шофер приоткрыл стекло:

– Куда? – с неприязненным равнодушием спросил он, не глядя.

– Шереметьево-два, – с тем же равнодушием бросил в сторону Звягин.

– Полтинник, – сказал шофер.

– Знаю, – упало в сторону следующее слово.

– Садись.

– Открывай. – Последнее слово всегда за мной будет, животное. Я тебе покажу полтинник. Я его тебе в такое место воткну, что институт микрохирургии глаза не выковыряет.

Шофер небрежно курил «Мальборо».

– Здоровье портишь, – без уважения к чужому жалкому достатку сказал Звягин и приоткрыл форточку, устроив сквознячок.

– Дует, – сказал шофер.

– Я тебе плачу, – сказал Звягин. – Сначала на минутку к Ленинградскому рынку, вещи забрать. Дом я покажу.

– За простой – отдельно.

– Конечно, – сказал Звягин.

На Красноармейской он указал подходящий дом, велел стать у подъезда:

– Багажник открой сразу.

Пару минут провел в подъезде. Вполне подходяще. И лампочка не слишком яркая, и мочой пахнет.

– Слушай, друг, – вышел он растерянно, – его дома нет, помощи, пожалуйста, телевизор снести... одному никак не взять, и время в обрез.

– Какой? В багажник не влезет.

– Влезет! Как не влезет? – уверил Звягин. – Японский, не такой большой, но взять неудобно.

– Да я, в общем, не грузчик, – в сомнении отказался шофер.

– Еще пятнадцать рублей плачу, – нервно попросил Звягин.

– Поможем, – вылез шофер.

Войдя в подъезд, по всей логике ситуации, первым, Звягин жестко – конь копытом лягнул! – ударил его локтем под ложечку. Шофер согнулся и замер, распялив рот и выпучив глаза. Примерившись и успев пожалеть, что рукав куртки смягчит удар, Звягин локтем же, сверху, врубил ему – к-ха! – чуть левее темени. Послышался вполне деревянный стук, шофер обмяк и свалился на бок. «В десанте служили мы крылатом, а тут нельзя не быть орлом! – тихо пропел себе под нос Звягин. – Как это называлось там? а, – с расчетом кратковременного рауша. Кратковременного не кратковременного, а полчасика отдохнет. Достаточно».

Он быстро сволок шофера по ступенькам к двери в подвал, вынул из кармана стеклянную четвертьлитровую фляжку и полил ему грудь и бока водкой: «Объясняйся потом с милицией, родимый». Надел на правую руку кожаную перчатку, подпрыгнул и разбил лампочку: тихий дзень.

Все это заняло на несколько секунд меньше запланированной минуты.

Хлопнула входная дверь.

– Опять перегорела, – тихо и злобно произнес женский силуэт, всем существом мимо-летно опасаясь проходящего мимо звягинского силуэта.

– Извините, – вежливо сказал Звягин, бренча на пальце ключами от такси.

В трех кварталах он тормознул у урны и сунул в нее парик, усы и кепку. Потом свернул в темный проулок, достал из сумки автомобильные номера и плотно надел, закрепил поверх настоящих.

– 87–19 ММТ, – удовлетворенно прочитал он. – Вышел на смену. Спасибо, чаевых не берем.

В кабине достал из бардачка путевой лист, аккуратно разорвал и выкинул, а на его место положил заготовленный заранее. Глянул техпаспорт. Заменял собственной карточку водителя на приборной доске. Дотронулся до прав в кармане. Серую куртку снял и кинул на пол к заднему сиденью, оставшись в синем свитерке. Кинул в кусты под домом фляжку из-под водки, некогда коньячную. И дал по газам.

Не обращая внимания на голосующих по пути (как истый московский таксист), он с умеренной лихостью гнал к знакомому уже дому. Незадолго до Кутузовского остановился еще раз в тихом месте, снял свитерок, оставшись в скромном темном костюме и голубой сорочке с галстуком, из сумки достал и надел светлый плащ, набросил на шею шарф. Порядок.

Притер тачку к тротуару у «своего дома», глянул номера над первым подъездом – верно. «Куда лезу. Но не ждать же у моря погоды, покуда он сам на тротуар вылезет».

– К кому? – бдительно спросил вахтер из-за обширного письменного стола в светлом, теплом, чистом и вполне домашнего вида подъезде.

– Девятнадцатая квартира, Березницкий, – с уместной дозой будничной беглости и казенной вежливости сказал Звягин. Вахтер, естественно, чуть помедлил, читая его взглядом, и наметил движение в сторону телефона – позвонить в квартиру, представить гостя и получить согласие на впуск. В правильный момент Звягин достал из нагрудного кармана красную корку с гербом и секунду держал перед вахтером. На полсекунды открыл и, профессионально сжав в руке (не вырвать!), подержал еще.

– А вы звоните, – разрешающим тоном бегло сказал он от лифта. – Сергеев.

Пока он ехал на пятый этаж, хозяин был уже извещен и – д-р-р звонок, кратко и уверенно, – открыл двери сам.

– Добрый вечер, Яков Тимофеевич, – с безулыбистой теплотой протянул Звягин руку, шагнув через порог.

– Здравствуйте, – спокойно, весомо отвечал Яков Тимофеевич.

Так вот ты какой, гнида. Росточку неплохого, крепость еще видна, рожа массивная... тупая, уверенная, бронированная рожа. Славный, должно быть, был рыцарь революции: чистые

руки, горячее сердце, холодная голова, ага... нет, не трусливый старикашка, но это мы еще посмотрим.

– Извините за беспокойство, но дело неожиданное и срочное, – крайне спокойно сказал Звягин. – Был звонок из референтуры начальнику управления, связано с телегой. Надо гасить без оттяжки, поэтому меня лично – за вами. – И протянул, как своему и старшему по званию, заслугам и возрасту, свое удостоверение, но в руки не дал, хозяин едва заметным внутренним движением отметил это как правильное, и Звягин отметил это его отмечание. Березницкий взял со столика в небольшом, но славном холле очки из китайской плоской вазы («У кого реквизировал, сука?») и прочитал не медленно, но внимательно. За удостоверение Звягин был спокоен – лучше настоящего, не мальчик.

– Не телефонное, – сказал он, упреждая вопрос. – Такое время.

Логично. А в чем дело, да?

– Конец дня, – сказал он. – Вечный бардак в любимом ведомстве. В архивах чуток насопили. Остальное – на месте.

Березницкий чуть подумал – тоже крайне спокойно.

– Я на машине, – сказал Звягин. Галстук не обязателен, хотел он добавить и улыбнуться, но воздержался: это уже лишнее.

– Я позвоню, – сказал Березницкий. Соображал он явно уже с трудом, да и никогда, конечно, большой сметливостью не отличался, за то и держали, но рефлекс вжился в нем прочно. – Вы садитесь.

Без «благодарю» Звягин опустился на диванчик перед телевизором и расслабил позвоночник.

– Можете. Но Крупников сейчас у хозяина, там освободятся в (взглянул на часы) восемнадцать пятнадцать.

Шлепнуть бы тебя прямо сейчас, в собственном сортире, и вся недолга. Да не заслужил ты такой быстроты и легкости.

Упоминание фамилии, причем не сразу, а в правильный момент, – это подействовало, разумеется, успокаивающе. Да и обликом Звягин, то бишь Сергеев, был правилен, безупречен. Разве что лицо запоминающееся, так в их управлении это неважно.

– Переоденусь, – сказал Березницкий и вышел. В глубине квартиры перемолвился неразлично фразами с женой, которая так и не показала – своя дрессура.

Явившись в синем, немодном и добротном костюме с планками и значком почетного чекиста («А как же! чтоб помнили, с кем дело имеют!»), Березницкий полез в теплый, с подстежкой, плащ.

– Машина у двери, – сказал Звягин о возможной ненужности плотно одеваться. – Обрато тоже доставят, – сказал он, и тут оба чуть улыбнулись профессиональному, для посвященных, юмору этой фразы.

Внизу Березницкий увидел пустое такси.

– Рабочая, – сказал Звягин, и Березницкий понял, согласился, судя по тональности молчания: получше все у начальства, взял оперативную, которая подвернулась, не свою же гонять, жалко, и бензин дорог, нет его.

Звягин сел и открыл правую дверцу:

– Пожалуйста.

Березницкий стоял, чуть ближе к задней. Во рефлекс действуют! – ему мозг выстриги, он на одних рефлексх то же самое делать будет.

– Пожалуйста, – сказал Звягин, открыл, перегнувшись, заднюю дверцу, а переднюю захлопнул, и Березницкий поместился сзади.

– Что тут? – спросил он недовольно, наступая на куртку.

– А, Сашино барахло, отодвиньте в сторону. – И Звягин рванул к центру.

Березницкий посапывал.

Ехали на Лубянку.

Тормозя перед светофором, Звягин попросил:

– Тряпочку протяните сзади, стекло запотело.

Березницкий взял чистую тряпку перед задним стеклом и подал, чуть потянувшись вперед. Звягин обернулся, отпустил руль, рука его скользнула мимо руки Березницкого, он чуть еще приподнялся на сиденье и воткнул выставленный большой палец под мясистый кадык, прямо над узлом галстука.

Березницкий всхрипнул шепотом, остекленел, вывалил язык и обмяк.

– А зачем нам, собственно, Лубянка? – вдумчиво спросил Звягин, за светофором перестроился в правый ряд и свернул, держа в памяти маршрут.

Через минуту стал в темном пустынном проезде. Перегнулся к бездвижному телу, расстегнул плащ и костюм, из внутреннего кармана достал паспорт, с пиджака аккуратно отстегнул планки и свинтил значок почетного чекиста. Из сумки извлек еще две склянки: первую полил ему на грудь, и в салоне запахло коньяком, вторую вылил на промежность – и запахло мочой.

– Обрубился, пьяная сволочь, – с сочувствием к своей таксистской доле сказал Звягин воображаемому гаишнику, – весь салон обоссал, а мне еще крутить до четырех. На Новоясеневском своем не прочухается – скину в пикет.

И поехал на Новоясеневский, выкинув по дороге как ненужные теперь склянки, так и березницкое барахло.

Он поглядывал на часы, в зеркальце – как там сзади, спокойно готовый к любым неожиданностям, потому что в сущности любые неожиданности были исключены, то есть предусмотрены: все, что Звягин делал, делалось с полной обстоятельностью; впрочем, об этом уже можно было догадаться.

В рамках рассчитанного времени он остановился близ девятиэтажного дома, вплотную к которому и подходил присмотренный днем забор стройки. Не выключая двигателя, огляделся. Спихал все барахло в сумку, туда же положил снятые номера. Сунул Березницкому под нос нашатырь, потер уши, помассировал гортань и грудную клетку. Выволок его, приходящего в себя, и закрыл машину.

– К-хх-х... Ох-хх...

– Пошли. – В бок Березницкого однозначно уперся пистолетный ствол. Сумка висела у Звягина на другой руке, и рукой той он заботливо и крепко поддерживал Березницкого, обняв сзади, под мышку: ведет человек пьяного, бывает.

– Один звук – и стреляю: иди.

Из забора в этом месте были заблаговременно вышиблены две доски. Переждали прохожего на недалекой дорожке под фонарем:

– Не смей шевелиться, – без звука произнес Звягин, вдавливая ствол между ходящих ребер.

Пробираясь между строительным мусором и скользя в грязи, они дошли до строящегося, абсолютно неосвещенного с этой стороны дома и вошли в стенной проем.

Березницкий начинал оживать, тело его приобретало остойчивость и проникалось крупной редкой дрожью.

– Не бойся, жив останешься, – усмехнулся Звягин. – Просто поговорить надо.

Он поверит в это, потому что ему больше ничего не остается. Как верили те, кого он расписывал.

– Н-не трясись! Пятнадцать минут выяснения отношений – и придешь обратно. Кому ты нужен...

Березницкий переставал дрожать.

– А вот руки, извини – назад!

Березницкий свел на копчике кисти рук, Звягин бросил сумку и, не отнимая пистолета от его позвоночника, быстро захлестнул их веревочной удавкой, закрепил мертвым узлом, – хирурги умеют вязать узлы одной рукой.

– Еще раз извини. – И рот оказался плотно заклеен пластырем.

Звягин достал из сумки и включил фонарик – тонкий веер света через щель, прорезанную в черной бумаге, которой было заклеено стекло, осветил еле-еле, но различимо, хлам под ногами.

– Пошел! – шепотом рявкнул Звягин.

Послушно перебирая ногами, Березницкий, направляемый в спину, как буксиром-толкатом, стальным пальцем пистолета, дошагал до дверного проема, повернул и стал спускаться по лестнице – бетонному маршу без перил...

Оказались в низком подвале под бетонными же перекрытиями. Звягин остановил движение перед разбитым унитазом, косо утвердившимся между ржавых батарей и обрезков труб.

– Пришли, – сказал он и на шаг отступил. – Можешь повернуться.

Березницкий неловко и готовно повернулся к нему лицом.

– Судить тебя буду я, – сказал Звягин, достал из кармана, зажав фонарик под мышку, самодельный глушитель и натянул его на дуло.

– Кто я – тебе знать незачем. Один из тех, кого ты и твоя контора не уничтожили.

Березницкий замычал.

– Никакого последнего слова, – отмел Звягин. – Не будем отягощать себя бюрократическими проволочками буржуазного суда. Итак. Согласно формуле Нюрнбергского процесса, приказы начальства не являются оправданием для исполнителей преступлений перед человечеством. А посему приговаривается Березницкий Яков Тимофеевич к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение немедленно.

Березницкий, хрипя и попискивая горлом, замотал головой и тяжело опустился на колени, с безумной мольбой подняв на Звягина взгляд выкаченных глаз.

– Они тоже жить хотели, – укорил Звягин. – Причем не были ни в чем виноваты. Ты что ж думал, приятель, что вся кровь, все муки – так тебе с рук и сойдут? Нет. Кому-кому, а тебе не сойдут.

Лицо Березницкого в слабой полосе фонаря превратилось в маску воплощенного безумия.

Кишечник его с шумом опорожнился, раздался резкий характерный запах.

Звягин, сунув фонарик и пистолет в карманы, приподнял его под мышки и развернул лицом к унитазу. Вот так. Все как положено. В лучших их традициях.

– Ну, вот и все, – с ужасающей простотой произнес он, приставил обрез глушителя к мокрому от пота затылку и нажал спуск. Выстрел треснул глухо, умноженный отраженным подвальным эхом. То, что было Березницким, ткнулось лицом в унитаз и осело вбок.

– Исполнен, – с холодной непримиримостью произнес Звягин.

Пульс проверять не стал: он видел разрушающую траекторию пули, как в анатомическом атласе.

Посветил вправо, подобрал гильзу, завернул в бумажку и поместил в карманчик сумки. Из сумки достал щетку для мусора и стал задом выходить из подвала, аккуратно прометая по своим следам.

Наверху чуть постоял, повторяя, все ли сделано. Следы пальцев в машине протерты. Нигде ничего не забыто. Время – в пределах расчетного.

Дойдя до дыры в заборе в стороне, противоположной той, где они входили, он (бережного бог бережет) открыл баночку из-под цейлонского чая и на протяжении нескольких минут

присыпал свои следы, удаляясь, смесью махорки с перцем. Вот уж это никому не понадобится, подумал он. Заигрался в шпионов. В метро все следы теряются.

Дойдя до «Теплого Стана», спустился в освещенное чрево метрополитена и поехал в центр.

Там он погулял в темноте, заглядывая иногда во дворы и выкидывая вещи по одной в мусорные баки: протертый от пальчиков пистолет только кинул в реку; затвор отдельно; патроны отдельно; глушитель отдельно; изорванные в мелкие клочки удостоверение, путевой лист, карточку водителя; сменил большие ему на размер ботинки, купленные в комиссионке, на свои собственные; куртка, свитерок, перчатки, где могли остаться частицы битого лампового стекла и машинного масла и бензина; и, в конце концов, саму сумку. Ищите вещдоки, родимые. Вот вам «глухарь» – и списывайте дело в архив.

На Ленинградском вокзале взял из ячейки камеры хранения свой кейс и пошел к вагону.

Пужинал бутербродами, запил скверным железнодорожным чаем, потрепался слегка с попутчиками и лег спать на приятно, убаюкивающе подрагивающую полку с удовлетворенным чувством хорошо прожитого дня.

Утром, пешочком идя к себе, уже в своем плаще, все свое и ничего чужого, разового, он припоминал вчерашние события как нечто далекое, нереальное, средненькое кино в чужом пересказе. Мысли были больше о дне предстоящем, сегодняшнем.

– Ну как съездил? – спросила жена, целуя его в прихожей и надевая пальто.

– Бесподобно, – ответил Звягин.

– Всех успел повидать?

– А как же.

– Я всегда так волнуюсь, когда тебя нет, – пожаловалась она.

– Пора бы и привыкнуть, – улыбнулся он.

Оставшись один, вырвал из блокнота несколько листков, сжег над раковиной, а пепел смыл мощной холодной струей.

Позвонил на «скорую»:

– Джахадзе на месте? Салют. Ну как там сутки? Нормально? Вот и отлично.

Нить жизни

Никто из жильцов пятидесят пятого дома по Фонтанке не мог потом припомнить, как въезжал Звягин в восемнадцатую квартиру. Хотя находилась она на верхнем, пятом, этаже, и затаскивание вещей должно было сопровождаться определенным шумом и суетой. Не заметили, однако, никакого шума, ни суеты.

Впрочем, в большом городе можно прожить жизнь и не знать соседа по лестничной площадке. Замечание это неприменимо к одиноким пенсионеркам: у них свои каналы добычи информации, непостижимые для непосвященных. А какой же старый ленинградский дом обойдется без одиноких пенсионерок.

Проживала такая пенсионерка, Жихарева Ефросинья Ивановна, всю жизнь в квартире как раз под Звягиным, на четвертом этаже, в комнате окном во двор, где по утрам гулко гремят крышки мусорных баков и перекрикиваются грузчики продуктового магазина.

В прозрачный желто-синий день бабьего лета она, Мария Аркадьевна и Сенькина из десятой квартиры сидели в скверике на площади Ломоносова, именуемой некоторыми ленинградцами в просторечии «ватрушкой» вследствие ее круглой формы; они же трое упорно называли ее по старинке Чернышевской площадью, как бы подчеркивая свою исконную петербургскую принадлежность. И собрание достоверно установило, что новые жильцы поменялись сюда из Ручьев, где Звягин получил квартиру после увольнения из армии, хотя ему всего сорок с небольшим, а на вид моложе, но он служил там, где прыгают с парашютом, и поэтому им военная пенсия идет раньше, по специальности он врач, был майором, а сейчас работает на «скорой помощи», мужчина видный, но, похоже, гордый и злой; что жена его учительница английского языка, дочка учится в седьмом классе, а старший сын – на юриста в Москве; что машины у них нет, и собаки нет, и кошки, и дачи, дома тихо, ремонт делали сами, пьянок не бывает; короче, люди приличные и ничем не выдающиеся.

К сожалению, эта теоретическая оценка не повлекла за собой никаких практических выводов – по той причине, что любознательная и вездесущая Ефросинья Ивановна характером отличалась не столько даже активным, сколько склочным сверх мыслимых границ. Старые соседи как-то с ней уже стерпелись, зато новые очень скоро почувствовали на себе всю скандальную безудержность соседки снизу.

Началось с того, что жена Звягина, в школе – Ирина Николаевна, а во всех прочих местах – просто Ирина, столкнулась внизу у лифта со старухой, или, как теперь принято говорить, с пожилой женщиной. Одета была пожилая женщина в старомодное и поблеклое, но очень аккуратное пальто, а лицо ее выглядело напряженным и поджатым, и встретиться взглядом с Ириной она не пожелала.

С тихим гудением опустился лифт, Ирина открыла дверь, намереваясь пропустить старуху с хозяйственной сумкой вперед, но произошло неожиданное: та резко рванула решетчатую дверь лифта из ее руки, оттолкнула Ирину и, шагнув в лифт и обернувшись, каркнула:

– О новые-то соседи у нас, а! И не здороваются! Я уж не говорю – старую женщину вперед пропустить! – С лязгом захлопнула двери: – Понаехало деревни всякой в Ленинград!.. – И поплыла вверх.

От неожиданной обиды у Ирины свело лицо, затрясло; дома она еще полчаса утирала слезы, пила седуксен и мысленно произносила душераздирающие речи, вызывающие к совести и справедливости...

Эта встреча явилась как бы первой пробой сил в необъявленной войне. И продолжение не замедлило последовать.

В десять вечера снизу в пол раздался грохот, будто там заработал таран. Звякнули чашки. Звягин с интересом посмотрел на то место, где, судя по ударам, располагался эпицентр этого

домашнего землетрясения и сейчас взлетят шашки паркета, вспучится перекрытие и образуется кратер.

Жена же повела себя иначе: она побелела, на цыпочках подскочила к телевизору и убавила звук до комариного шепота.

– Что случилось? – осведомился Звягин, читая в ее лице.

– Это она... – подавленно сказала жена.

И, разумеется, не ошиблась: в этот самый момент Ефросинья Ивановна удовлетворенно взглянула вверх, вдохнула поглубже, грохнула в последний раз в потолок бидоном, вздетым на рукоять швабры, и стала слезать со стола, аккуратно застеленного газетой. Она улыбалась мрачноватой боевой улыбкой. Вечер прошел не зря.

Такой пустяк вполне может испоганить настроение. Что с Ириной и произошло. Из своей комнаты высунулась дочка и, уразумев ситуацию, потребовала мести. Звягину испортить настроение было невозможно: он с каким-то даже одобрением высказался так:

– Bravo, первая валторна! Боевая старушка.

Жена, не встретив законного сочувствия, обиделась:

– Ты ей еще гантели купи. Для развития мышц.

– И кувалду, – развеселилась дочка.

Но почти двадцать лет армейской службы приучили Звягина уважать достойного противника.

– Нас трое здоровых, а она – одна и старая, – упрекнул он, смеясь резким лицом. – И – не боится, а!

Нет, Жихарева не боялась. Чувство страха было ей, похоже, неведомо. Зато в полной мере было ведомо чувство наслаждения нагонять страх на других.

Лежа ночами в старческой бессоннице, в преддверии дня столь же одинокого и пустого, как прошедший, она измышляла коварнейшие планы и неукоснительно приводила их в действие. Она изучала нехитрый распорядок дня Звягиных, избегать ее было все труднее.

Ирина почувствовала себя затравленной. Жихарева приснилась ей былинным разбойником, поигрывающим кистенем и сшибающим жутким посвистом путников с коней в лесных урочищах. Когда бы ни возвращалась домой – знакомое серо-буро-малиновое пальто, старомодное и аккуратное, фланировало у подъезда. В ненастье пальто ждало в полутьме у лифта. Характер немислимых претензий был непредсказуем, заготовленные ответы пропадали втуне.

– И нечего по ночам скакать, танцы устраивать! – злорадствовала Жихарева. – Учительница, какой ты пример детям показываешь?

Несчастливая Ирина летела вверх, не дожидаясь лифта, и эхо металось вокруг нее, как злая птица:

– А вот я в школу заявлю про твое поведение!..

Дочке заступалась дорога:

– Во ходит нынешняя молодежь – все в обтяжку, ни стыда ни совести! С ранних лет...

Со свойственным юности темпераментом дочка высказала Ефросинье Ивановне в лицо массу неприятных вещей. Ефросинья Ивановна довольно засмеялась и, выждав и рассчитав время ужина, известила о себе бесконечным звонком.

Теснимый от порога в глубь квартиры, Звягин хмыкнул.

– Вот что она говорит! – на басах заиграла старуха, как капитан в шторм. Пересказ Светкиной речи расцвечивался сочными словами. – Позови-ка ее сюда! Мы в ее годы... – И наладилась проводить воспитательную беседу о преемственности поколений.

Светка всхлипнула и промелькнула в свою комнату.

– Были б вы мужчиной помоложе... – мечтательно сказал Звягин.

– Ну ударь меня! – готовно закричала Жихарева. – Ударь!

На площадках открывались двери: там слушали и обсуждали.

– Два заявления от соседей – и вас увезут в сумасшедший дом, – предостерег Звягин. – Слуховые галлюцинации и навязчивая идея.

Жихарева осеклась, уставилась недоверчиво. Такой оборот событий она не предвидела.

– А еще врач, – без уверенности молвила она.

– Месяц лечения – и в дом хроников.

– И не стыдно? – заняла оборону Жихарева. – Старухе грозить...

Но меры она приняла: записалась на прием к невропатологу – мол, чувствую себя хорошо, но на всякий случай... Сочла, что запись в карточке послужит доказательством ее нормальности.

Ночью сон Звягиных разорвал треск телефона.

– Теперь ночей не сплю, – сообщила трубка. – Вам-то что!..

Звягин оделся, взял радедорм и спустился на четвертый этаж.

– Ты куда ночью ломишься, хулиган! – вознегодовала Жихарева, открывая. – Круглые сутки покоя от вас нет!

– Снотворное принес, – невозмутимо сказал Звягин.

Старуха взяла таблетки и запустила по лестнице.

– Сам травись, – пожелала она.

Положение стало невыносимым. Ефросинья Ивановна прибегла к анонимкам. Вряд ли она была знакома с историей европейской дипломатии, но тезис: «Клеветайте, клеветайте, – что-нибудь да останется», – был ей вполне близок. Техник-смотритель из жэка предъявила открытку с жалобой. Апофеозом явился визит участкового инспектора – он извинился, сказал про обязанности: проверить поступивший сигнал... Эту склочницу давно знает. Помирились бы, а...

– Но как?!

Жена сдалась: меняем квартиру. Звягин возражал: вид на Фонтанку, и вообще – что за ерунда. Семейный совет постановил попробовать мирные средства наведения контактов. Стали пробовать.

– Ефросинья Ивановна, вам в магазине ничего не надо? – обратилась Ирина, смиряя самолюбие и преодолевая дрожь в душе.

Ответ гласил, что многое надо, не ваше дело, некоторые не так богаты, однако в подачках хамов не нуждаются, грох дверьми!

Седьмого ноября Звягин с цветами двинулся поздравлять ее.

Ефросинья Ивановна растерялась. Цветы ей за последние сорок лет дарили один раз – когда провожали на пенсию.

– Спасибо, – тихо пробурчала она, глядя в сторону.

Звягин поцеловал ее в пахнущую мылом морщинистую щеку и пригласил в гости.

Жихарева вспотела. В ней происходила отчаянная борьба, которую моралист назвал бы борьбой добра и зла, а психолог – борьбой между самолюбием и потребностью в общении. Самолюбие победило.

– Нет, – сухо сказала она, с трудом преодолевая себя. – Я уж у себя посижу, посмотрю телевизор.

Но глаза у нее были на мокром месте, и прощалась она со Звягиным не без ласковой приязни.

Так и хочется закончить, что с этого момента наступил перелом, добро возобладало, и соседи превратились в лучших друзей. Такое тоже бывает. Но, видимо, не в столь запущенном случае...

Перемирие длилось неделю – а потом все началось сызнова: на больший срок, к сожалению, растроганности Ефросиньи Ивановны не хватило, и застарелая привычка, давно превратившаяся из второй натуры в первую, взяла верх.

Нет ни необходимости, ни возможности перечислять все те ухищрения, с помощью которых можно вконец отравить существование ближним. Ефросинья Ивановна владела полным арсеналом с искусством профессионала. Неизбежный кризис назрел.

– Не судиться же, в самом деле, с несчастной старухой, – сказал Звягин. – Одинока она, вот и мучится.

– Но почему мы должны мучиться из-за нее? – справедливо возразила жена. Ее нервы сдали.

– А тебе ее совсем не жалко?

– А меня тебе не жалко?.. – не выдержала она.

Звягин подтянул галстук, накинул пиджак и пошел по соседям.

В этот вечер он многое услышал от Марии Аркадьевны и Сенькиной из десятой квартиры – двоих из тех, кто в цвете молодости, сожженной войной, пережил здесь блокаду – санитаркой, телефонисткой, зенитчицей, токарем, или в первое послевоенное время, полное тягот и надежд, приехал из разных краев работать и искать свою долю в прославленном и прекрасном городе, обедневшем людьми.

И он узнал в этот вечер, что родители Жихаревой умерли в блокаду, муж и брат погибли на фронте, а трехлетнего сына эвакуировали через ладожскую Дорогу жизни на Большую землю, но колонну бомбили, и их машина ушла под лед... Помнили время, когда молодая Фрося была веселой и заводной, не найти никого приветливее, – а после войны это был уже совершенно другой человек, замкнутый и скорый на злость. А как вышла на пенсию – тут просто спасу от нее не стало. Ее жалели – но для жалости требуется дистанция, потому что когда человек ежечасно отравляет тебе жизнь, жалость как-то иссякает и уступает место злости, в чем проявляется, видимо, инстинкт самосохранения.

Звягин вернулся в полночь задумчив, налил ледяного молока в высокий желтый стакан, кинул туда соломинку и застучал пальцами «Турецкий марш»: ловил смутную мысль, принимал решение.

– Ведь она нам просто-напросто смертельно завидует, что у нас все в порядке, – проговорил он. – Больно ей...

– А что делать? – безнадежно спросила жена.

– Чтоб не завидовала... – был неопределенный ответ.

– Ты предлагаешь мне овдоветь? – съязвила она.

Ночной разговор в спальне был долог. Подытожил его Звягин философской фразой:

– У нас есть только один способ стать счастливыми – сделать счастливым другого человека.

После чего выключил торшер и мгновенно заснул.

Сутки на «скорой» выдались удивительно спокойные, все больше гоняли чай на подстанции. Посмеиваясь, Звягин обсуждал с Джахадзе, как искать пропавшего человека. «Обратиться в милицию». – «Милиция ответит, что такого нигде нет...»

Наутро после дежурства он входил в высокие створчатые двери Музея истории Ленинграда.

Завотделом истории блокады, огненноглазый бородач, пригласил его в крохотный кабинет и уловил суть дела сразу:

– Мы вам помочь ничем не сможем. Вот телефоны городского архива, фамилия завсектором блокады – Криница, сейчас я ей позвоню, что вы от нас.

Он обнадежил Звягина: случаи, когда считавшиеся погибшими люди обнаруживаются через десятки лет после войны, бывают много чаще, чем обычно думают: «Ведь десятки миллионов судеб перепутались!..» Взглянул на часы и побежал в экспозицию.

В проходной архива пропуск на Звягина уже лежал. Звягин настроился встретить дребезжащих старушек вроде «веселого архивариуса» из передачи «С добрым утром», но в комнате

без окон, оклеенной рекламами, девочки после университета пили кофе и обсуждали фильмы Алексея Германа. Девочки стали строить глазки.

– Если вы точно знаете даже число отправки через Ладогу, это будет несложно, – улыбнулась Криница, крупная яркая блондинка.

Ему дали заполнить бланк и велели пойти завтра.

Жена, заразившись идеей поиска, весь вечер выпрашивала подробности и выдвигала варианты, типа привлечения юных следопытов.

– Хватит и того, что я на старости лет устроился в следопыты, – скептически сказал Звягин.

Конец ниточки нашелся.

Криница положила перед ним толстую серую папку:

– Вот – эвакуация детей школьного возраста в марте сорок второго года.

– Впервые в жизни радуюсь бумажной бюрократии и всяким справкам, – признался Звягин. – Во всем есть хорошая сторона, м-да.

На заложенной странице 317-Б была строчка среди прочих:

«Жихарев Петр Степан., 1938 г.р., 12 марта 1942 г.»

Криница перелистнула несколько страниц назад:

– Направление транспорта – Войбокало на Вологду.

Из документов эвакуационного бюро явствовало, что триста пятьдесят пять детей в сопровождении одиннадцати воспитательниц отправлены через Ладогу в эти сутки. Чем и исчерпывались данные.

– Надо запрашивать Вологду, – сказала Криница.

– В Вологду такой не прибывал... – ответил Звягин.

Принялись строить версии. Могли утопить машину на Ладоге, да. Могли обстрелять. Могли бомбить поезд уже восточнее. Мог в эвакуации уже умереть от элементарной дистрофии, – но тогда была бы запись на месте, легко выяснить. Это – худшие варианты.

А мог ведь и остаться в живых. В сутолоке тех страшных военных дней мог отбиться от своей группы, потеряться на станции, могли перепутать вещи и одежду в санпропускнике, мог список погибнуть, вместе с воспитательницей или старшей сопровождающей, мог быть ранен или контужен и забыть по малолетству свои имя и фамилию, да мало ли что могло быть... Все могло быть.

Запрос в Вологду Звягин направлять не стал. А попросил на работе поставить ему дежурства в графике на декабрь так, чтоб вышла свободная неделя подряд: взамен он отдежурит тридцать первого декабря и второго января.

Слякотным и мглистым декабрьским утром он кинул в портфель чистые рубашки, бритву и блокнот, принял заказы домочадцев на «настоящие вологодские кружева» и поехал в аэропорт.

В Вологде скрипел и искрился снег, воздух был розов, дышалось легко, Звягин пожалел, что по офицерской привычке не таскать с собой ничего лишнего он не захватил тренировочный костюм: взять бы в прокате лыжи и пробежаться хоть часок.

Он снял койку в гарнизонной гостинице, где всегда легче с местами, и позвонил в архив.

Размещался архив в стареньком двухэтажном здании, и пахло в нем именно классическим архивом: старой бумагой пахло, пылью и мышами. Опекаемый старенькой бодрой заведующей, Звягин провел здесь остаток дня и еще весь день, и узнал следующее.

Из трехсот пятидесяти пяти детей и одиннадцати воспитательниц, фамилии которых он скрупулезно переписал в Ленинграде, в Вологду прибыло триста девятнадцать детей и десять воспитательниц. Жихарева Петра среди прибывших с той партией эвакуированных ленинградских детей – не значилось. Следовало предположить, что да, одна машина Ладогу не пересекла...

Новостью это не было – подтверждалось лишь известное.

Больше заинтересовало Звягина другое. В том же марте сорок второго года 37-й детский дом имени Маршала Тимошенко принял в числе поступивших еще с двумя партиями из Ленинграда четырнадцать человек с пометкой «родители не установлены»: малолетки, чьи документы каким-либо образом затерялись, и кто не мог назвать ни родителей, ни адреса, ни порой фамилии и даже имени. В мае сорок третьего года при слиянии двух детдомов они были переведены в Киров, в детский дом для сирот войны.

Четверо из них были мальчиками, возраст которых записали как трехлетних.

– Спасибо, – сказал Звягин, вручая старушке-заведующей торт, – кое-что я, кажется, нашел.

Ночь он проспал в приятно постукивающем поезде и сошел в Кирове с ощущением близости цели.

В облоно все нервничали, бумаги летали, вихрь проносился по коридорам: грянула какая-то проверка.

– Я к вам из Краснознаменного Ленинградского округа, – нагло представился Звягин в отделе кадров. – Требуется справочка...

Оказалось, что детский дом закрыт в шестьдесят первом году.

– Списки хранятся, безусловно. Срочно? Зайдите завтра...

В списках значились и те четверо уроженцев Ленинграда, эвакуированных в марте сорок второго года; именовались они как Петрищев Сергей Анатольевич, Середа Николай Александрович, Вязигин Павел Гаврилович и Хабаров Павел Павлович. В сохранности были и личные дела. («Имена, фамилии? Называли в честь близких, друзей, спасителей, писали иногда свою фамилию или придумывали что-нибудь – ведь без имени и фамилии человеку никак...»)

Вязигин в пятьдесят третьем году был осужден к трем годам колонии для несовершеннолетних, дальнейших сведений облоно не имело, и его Звягин из поисков исключил.

А областное управление внутренних дел располагало лишь информацией, что трое других в октябре пятьдесят седьмого года были призваны в армию и с тех пор по Кировской области не значатся.

– Подавайте на розыск, – посоветовал усталый капитан. – Через пару месяцев придет ответ; человек у нас потеряться не может.

Звягин составил заявление, заполнил три листка данных, положил на полированный стол и поехал брать билет на самолет.

...Отсиял елочными гирляндами Новый год, отсвистел ветрюгой с Балтики редкостно студеный январь, сыпануло ворохом открыток от старых сослуживцев 23-е февраля, – когда в официальных конвертах стали приходить извещения на запросы.

Хабаров жил в Кемерове. Петрищев – в Николаевской области. Середа Н.А. в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году окончил Ульяновское высшее военно-техническое училище и погиб девятого октября семьдесят третьего года при выполнении задания.

Звягин заказал по междугородному телефону Кемеровское и Николаевское УВД, объяснил ситуацию: ищет человека, спасибо за сведения, как узнать некоторые дополнительные обстоятельства?..

Минуло немало времени, пока он в последний раз перелистал ворох накопившихся справок и выписок, аккуратно подколотых к заполненным страницам блокнота, нашел нужную и позвонил.

– Зоя Ильинична? Беспokoю вас по поводу военных лет...

Выстроенная версия оборачивалась реальностью.

Вот таким образом случилось, что Сергей Анатольевич Петрищев получил из Ленинграда следующее письмо:

«Уважаемый Сергей Анатольевич!

Пишет незнакомая вам, но хорошо вас помнящая Зоя Ильинична Теплова. Вы меня, конечно же, помнить никак не можете, я – та самая воспитательница, которая сопровождала машину с детьми через Ладогу двенадцатого марта сорок второго года. Машина эта до Войбокало не дошла – была уничтожена немецким пикировщиком. Вы, трехлетний мальчик, сидели в кузове у кабины рядом со мной, и когда после взрыва бомбы машина накренилась на расколотом льду и заскользила в воду, я успела только схватить вас, а потом все скрылись в ледяной воде, я стала тонуть, но меня вместе с вами успел вытащить шофер, в последний миг выскочивший из кабины.

Колонна машин уже объезжала полынью, останавливаться было нельзя, нам кричали бежать и садиться быстрее! Сели в чужую машину, немного отстав от своей колонны, с одежды текло, мы сняли с вас все и закутали в чей-то платок, боялись воспаления легких. Я оказалась ранена осколком, сразу сгоряча не почувствовала, у первой же перевязочной палатки меня высадили, и вас передали регулировщице рядом со мной, ведь я за вас отвечала, а думать, что делать, было некогда, машины шли и шли, и та машина ушла, в ней осталась ваша мокрая одежда, а вещи утонули раньше. Я все слабела, регулировщица, поняв, что случилось с вами, выругала меня и передала вас на проходящую машину, в кабину, чтоб не замерзли.

Мне сделали перевязку, потом в Войбокало оперировали, а после поправки я окончила курсы и ушла санинструктором на фронт.

Я долго переживала, что вас отправили дальше без всяких примет личности, оставшим от колонны, а когда ребенку всего три года и он пережил такие страшные испытания, что и взрослым порой не снести, то мало ли что может случиться, вдруг потеряется, кругом война...

Потом было очень много и тяжелого, и хорошего, я воевала, была еще раз ранена, кончила войну в Восточной Пруссии, вынесла с поля боя пятьдесят семь бойцов, была награждена медалями, но вас помнила, такое не забудешь, вы были мой первый спасенный.

Вот и прошла моя жизнь, теперь я на пенсии, но чувствую себя еще неплохо, стараюсь бодриться. Осенью была на экскурсии в Вологде, и как меня кольнуло: может узнаю что о вас. Вспомнила как живое: и висающие в черном небе люстры на парашютах с их мертвым светом, и вой самолетов, зенитки стучат, вы все плачете в кузове, я вас криком успокаиваю, а у самой сердце обрывается, и тут взрыв рядом, и мальчик, которого я схватила и не выпускала, пока саму не вытащили с ним вместе на лед...

Оказалось, что того детского дома давно не существует. А главное – что с тем транспортом эвакуированных из Ленинграда Петя Жихарев не поступал. А Петя Жихарев – это тот мальчик и был.

Вы, наверное, уже поняли, что Петр Жихарев – это вы и есть...

Здесь ошибки быть не может, потому что никакого Петрищева Сергея Анатольевича из Ленинграда в тот период не эвакуировалось, зато с тем самым транспортом прибыл трехлетний мальчик без личных вещей и в одежде чужих размеров, контуженный при бомбежке на Ладоге, который ничего про себя сказать не мог, знали только, что раненая воспитательница вытащила его из потопленной машины.

А новое имя вам дали при записи в детском доме, и об этом сохранилась пометка. Вот так Петр Жихарев, на самом деле не погибший, а живой, превратился в Сергея Петрищева.

Я долго наводила справки, куда только ни обращалась, и из Центрального военного архива узнала, что ваш отец, Жихарев Степан Михайлович, пал смертью храбрых двадцать четвертого июля сорок первого года под Лугой.

А теперь самое главное. Ваша мать, Жихарева Ефросинья Ивановна, жива, живет в Ленинграде...»

Так связалась нить, которая привела к дверям шестнадцатой квартиры немолодого уже мужчину с чемоданом в одной руке и огромным букетом южных роз – в другой.

– Мне Жихареву Ефросинью Ивановну, – неестественно высоким напряженным голосом произнес он.

– Зачем еще? – подозрительно спросила Жихарева. – Ну, я это...

Он сделал глотательное движение горлом, попытался улыбнуться, бросил чемодан, сказал:

– Мама... – и заплакал.

Старуха побледнела, глаза ее сделались огромными и черными, невидимая молния прошла сквозь нее, она дрогнула и сжала зубы в крике, когда мужчина обнял ее, неловко роняя на серый кафельный пол красные розы.

Свет в окне на четвертом этаже, выходящем во двор, погас в эту ночь в половине шестого утра, когда зашумели по улицам первые автобусы.

А назавтра они сидели за уставленным снедью столом втроем с Зоей Ильиничной, и она все повторяла историю многомесячных поисков и раскладывала бесчисленные справки, заверенные всевозможнейшими подписями и пестреющие разнообразными печатями архивов.

Петр Степанович, постепенно привыкающий к своему имени-отчеству, закатил счастливой матери турне по магазинам, завалил нужной и ненужной всячиной, прогостил три дня (на столько его отпустили со стройки, где работал), а в воскресенье свел ее под руку к такси, ждущему внизу, побросал чемоданы в багажник, и они отбыли в аэропорт:

– Поедем, мама. Поживешь у нас, увидишь внуков, с невесткой познакомишься... у нас уже тепло.

Старуха помолодела на десять лет, сияла и утирала слезы, не сводя глаз с сына – взрослого, самостоятельного, с семьей, уважаемого людьми, хорошо зарабатывающего. Что еще надо для счастья.

– Вот и все, – задумчиво сказал Звягин вечером. – Теперь ей есть ради кого жить. А кто счастлив сам – другим зла не желает.

– Почему ты им не сказал, что это ты его нашел? – задето спросила дочка, шествуя из ванной спать.

– Зачем? – пожал плечами Звягин. – Я это делал из интереса.

– Несправедливо. Деньги на поездки тратил... И где спасибо?

– А разве справедливо, когда у одних все хорошо, а у других – плохо? Считай, что мы просто отдали долг. И – брысь в кровать!

Наливая в термос сваренный кофе, чтоб утром не возиться второпях, жена тихо спросила:

– Ты уверен, что они никогда не узнают?

– Абсолютно... Теплова – единственная воспитательница из тех одиннадцати, живущая сейчас в Ленинграде. Она все поняла и согласилась сразу; она не скажет. Проверить все через столько лет уже невозможно: людей не осталось... Я подставил одну-единственную цифру в одной справке: дата прибытия в Вологду. И не станут никогда люди разуберять себя в том, во что им необходимо верить.

Он чувствовал моральную потребность оправдаться.

– Честное слово, я ведь это не для того, чтоб от нее избавиться, – сказал он. – Мы к ней уже, в общем, и привыкли. Жалко человека. Усыновляют же чужих детей. Если у сына есть мать, а у матери – сын, что ж здесь плохого, а. Пусть радуются, пока живы.

– Боишься, что тебя заподозрят в корысти? – улыбнулась жена.

Звягин налил себе молока, потянул через соломинку, хмыкнул:

– Город Николаев – интересно, в честь кого так назван?..

Недавно, споткнувшись о название города Мама, он увлекся топонимикой. Уволившийся в запас офицер еще долго ощущает некую пустоту: излишек свободного времени и сил. А этого Звягин не терпел – его натура требовала постоянной занятости.

Что такое не везет и как с ним бороться

Не замечая духоты в автобусе, Звягин погрузился в «Историю античных войн»: Александр Македонский прорывал строй персов...

Сначала раздался треск рвущейся материи. Потом кто-то присвистнул. Ахнул ужасающий женский голос. И лишь после этого дрожащий мужской фальцет пробормотал:

– О, мамочки мои!..

И чей-то произвольный хохот.

Ситуация была, что называется, трагикомическая: сошедшая девушка у дверей автобуса выдергивала разорванный до талии подол платья из-под ноги обмершего мужчины на верхней ступеньке площадки.

– Поднимите же ногу, идиот, – чуть не плача, воскликнула она, пунцовая от горя и стыда.

– А? Да, конечно, пожалуйста, – с растерянной готовностью отозвался он, выходя из столбняка, и поднял наконец ногу, неловко поклонившись. Поднимая ногу и одновременно кланяясь, он потерял равновесие и вывалился из автобуса прямо на свою жертву.

– Ммм, – простонала она, зажмурясь от ненависти и унижения, одной рукой придерживая раздуваемый подол ниже спины, а другой отпихивая съевшегося от страха человека, лепечущего извинения.

– Я... я зашью, – бессмысленно утешал он. – Это ничего... закрепить булавкой... у вас есть? У вас прекрасная фигура, – уж вовсе неуместно добавил он.

Смех юнцов на остановке прозвучал ему согласием. Лицо девушки превратилось в маску разъяренной тигрицы. Человек втянул голову в плечи и закрыл глаза, готовый к справедливой каре и полагаясь лишь на милость судьбы...

Когда он открыл их, на девушке белел медицинский халат, и она утиралась пуховкой, глядя в зеркальце, – а перед ним стоял сухощавый, резколицый человек и разглядывал его с холодным любопытством.

– Пили? – Звягин потянул носом.

– Н-нет... я просто так, – умоляюще пробормотал человек, в качестве объяснения разводя руками.

– Просто так? – с интересом переспросил Звягин. – Ну-ну.

И повел девушку к стоянке такси.

Они не успели отойти, как визг тормозов и залп брани возвестил следующее представление. Человек стоял перед грузовиком, упершись руками в радиатор, а сверху из кабины перекошенный шофер интересовался наличием у него глаз, мозгов, совести и желания жить, а если нет, то почему он, шофер, должен платить за это своей свободой?

Звягин сощурился. Секунду подумал.

– Простите, – сказал он девушке, – но этим может не кончиться, а? – И двинулся к месту происшествия.

Таксист неодобрительно обозрел странную компанию: заплаканную девушку в явно чужом белом халате и спотыкающегося мужичонку совершенно неопределенного возраста, цвета и размера, опирающегося на невозмутимого, подтянутого человека. «Отставной спортсмен или оперативник? А эти кто?»

– Пьяных не вожу, – на всякий случай уведомил он.

– Это больной, – успокоил Звягин, хлопая дверцей. – Как вас зовут, больной?

– Толя, – пискнул человек. И – сорвавшимся баском: – Епишко Анатолий!

– А вас? Галя? Куда вас везти, Галя?

В подъезде Звягин взял у нее свой халат.

– Не хотите чашку кофе? – Ее взгляд был лучшим комплиментом.

– А вы меня не интересуете, – сказал Звягин. – Вот тот, в такси, – тот да, интересен. В такси водитель разорился из-за прожженного сиденья.

– Я закурил, чтоб успокоиться, – виновато объяснил Епишко. – А искорка отвалилась... такие сигареты делают...

– Чтоб у тебя не то отвалилось, – ярился водитель. – А кто платить будет?

– Я, – отрубил Звягин. – Фонтанка, 55!

Он долго подпихивал вяло сопротивляющегося Епишко вверх по лестнице: «Я тебе жизнь спас, а ты со мной и чаю не выпьешь? Жена на работе. Дочка в школе. Что? – я с дежурства. А полосу невезения лучше переждать, не дергаться!»

В кухне Епишко мгновенно смахнул чашку на пол: дзынь!

– Я вас предупреждал, – скорбно сказал он, садясь к столу и с треском стукаясь головой об угол настенного шкафчика.

Звягин задумчиво посмотрел.

– Правильно, – сказал он. – Чашки нельзя ставить близко к краю, а шкафчик давно надо перевесить на двадцать сантиметров левее. Возьми, чтоб не волновался, – и налил ему дымящегося черного чаю в эмалированную кружку.

– Ну, – сказал он тихо и добро, сев рядом, – а теперь расскажи все. Выложи, облегчи душу. Без этого в жизни плохо. Не бойся, я пойму. Я ведь все-таки врач.

Епишко помолчал, вдруг хлюпнул носом и махнул рукой.

– Просто я неудачник... – ответил он.

– Это бывает, – успокоил Звягин.

– Мне во всем не везет. Я уже привык...

– И с чего же начались твои невезения, можешь вспомнить?

Епишко виновато пожал плечами:

– Начались? Хм... Родился до срока...

...Через два часа летопись его жизни развернулась в кошмарный вариант Тысячи и одной ночи. Неудач, выпавших на его долю, хватило бы сорвать завоевательный поход Тамерлана. Там ломались часы и ноги, разбивались вазы и судьбы, терялись документы, горели провода и буйствовали стихийные бедствия. Аккуратная белая кухня с внимательным Звягиным превратилась в автономный оазис среди рушащихся карточных домиков Епишкинского неблагополучия.

– Вашей трагедии хватит на пять комедий, – развеселился Звягин.

...В пятом классе он сломал руку на физкультуре, упав на ровном полу; это до конца школы избавило его от физкультуры (для спокойствия физрука), но не от травм. В шестом – отстал от поезда, когда семья ехала в отпуск. Он вырослел, и несчастья вырослели вместе с ним. Апофеозом удачливости явилась женитьба, которая не состоялась.

Это судьба, покорно рассказывал Епишко. Он был тогда студентом, выгнали его позднее. Сначала он заболел бруцеллезом, напившись в колхозе молока от единственной, очевидно, бруцеллезной коровы в республике. Корову прирезали, в отличие от Епишко, который долго мучился, хотя в конце концов выздоровел. Свадьбу пришлось перенести, и в оставшееся время он успешно завалил сессию, пересдавая экзамены с потом и страданием, – вместо прогулок под луной... Везя из ателье свадебный костюм, он вывалился с подножки автобуса – толчея, час пик – и отбыл на скорой под сиреной и с сотрясением мозга. Излишне говорить, что пакет с костюмом исчез.

В больнице невеста увидела его лицо, отутюженное мостовой, и заплакала; но плач у нее выходил какой-то задумчивый. Думы эти были, видимо, о будущей жизни.

Спеша в такси к невесте, откуда они должны были следовать во Дворец бракосочетаний, Епишко попал в бесконечную пробку: все улицы перекрыли для какого-то марафона. Он при-

бежал часом позднее и застал истерику. Родители суженой с большим радушием встретили бы насильника и убийцу. Он им вообще не нравился.

Во Дворце их очередь уже прошла: ждать две недели! Невесту отпаивали валерьянкой, администратора молили, Епишко предлагали покарать физически. Обошлось – уговорили. Тогда оказалось, что у Епишко нет паспорта.

Невеста окаменела и тут же вернула Епишко слово, прибавив к нему много других слов, за которые ее попросили выйти из Дворца. Женить Епишко по студенческому билету администраторша с негодованием отказалась. Он понесся в общежитие, но паспорта не нашел – очевидно, потерял, когда бежал к невесте...

Когда через десять дней он вернулся к невесте вымаливать прощение, с двумя паспортами в карманах – выданным взамен утерянного и утерянным, найденным в пакете с горчицами, – он был спущен с лестницы крепким пареньком, который занял его место подле невесты, и занимает его до сих пор – в качестве мужа.

Епишко пожелал ему большого личного счастья и пошел в милицию, соображая, какой паспорт сдавать – старый или новый, потому что жить по двум паспортам запрещено законом. Увлечшись этой мыслью, он потерял оба; все равно жениться было уже не на ком.

– Если я стою в очереди, то все кончается передо мной, – жаловался он. – Если я не опаздываю на поезд, то на моем месте уже сидит пассажир с таким же билетом.

– А вы на самолете летать не пробовали? – с интересом осведомился Звягин, снимая с газа манную кашу и кладя в тарелки чернослив.

– Вообще я боюсь... раз рискнул в командировке, мы сели вместо Краснодара в Ростове, кто-то по ошибке взял мой чемодан, а там техдокументация, – короче, уволили с работы.

– И кем ты теперь работаешь?

– Пожарным, – мучительно сознался Епишко, ляпаясь кашей.

– Где?! – поразился Звягин.

– В театре...

– И он еще не сторел? А говоришь, не везет.

Но неужели он не пробовал бороться с невезением? Переломить судьбу?

Пробовал; но она не переламывалась. Он покупал летний костюм, делал прическу в мужском салоне, собирал всю свою волю к жизни – и садился на окрашенную скамейку, сверху его поливала поливальная машина, а ключи от дома проваливались в решетку люка.

– Нет, – заключил он, – мне помочь невозможно. Деньги ваши я потеряю, на новой работе что-нибудь выкину...

– Деньги? – вздернул бровь Звягин. – Работу? Вы меня не за старика Хоттабыча приняли? Я не благотворитель, вы не калека. В армии служили?

– Нет, знаете: здоровье...

– Жаль, – искренне посочувствовал Звягин. – Толковый сержант необыкновенно полезен для здоровья хрупких юношей. – Он швырнул тарелки в мойку и открыл кипяток. – Сейчас вызову вам такси.

– Не дозвонитесь, – предрек Епишко. – Там всегда занято.

– Покупайте телефон с кнопочным набором: как только абонент освобождается – он мигом соединяет. Не ройтесь в карманах – шоферу я заплачу сам. Куда вам?..

Весь вечер он расхаживал со стаканом молока и соломинкой, мурлыча «Турецкий марш». Вдруг остановившись перед столом, где жена проверяла тетради, он зло рывкнул:

– Я т-тебя научу любить жизнь!

– Что?! – жена уронила очки.

Звягин мотнул головой, выныривая из своих дум:

– Прости, замечтался... Что такое невезение? – допросил он.

– Влезаешь в очередную авантюру? – Жена вздохнула, выключила настольную лампу и подперла ладонями щеки. – Вот, думала, уволишься из армии, поедem в большой город, не надо будет тебя ждать с вечных учений и прыжков, – а тебя опять никогда дома нет...

– Во-первых, – Звягин загнул палец, – невезение – это когда человек хочет больше, чем может. Этим надо быть скромней.

Второе: не умеет учитывать все жизненные обстоятельства.

Третье: не готов к худшему.

Четвертое: принимает мелочи близко к сердцу.

Жена слушала историю невезучего Епишко и стелила постель.

– Вечно ты кого-нибудь жалеешь, – печально сказала она.

– Плевать мне на него! – возмутился Звягин. – Мне просто интересно, как и что тут можно сделать.

– С невезением?..

– Ерунда! Невезение – это судьба. Судьба – это характер и обстоятельства. Характер можно изменить, а обстоятельства – создать. И очень просто! Гаси свет.

И утром Звягин вырос в дверях несчастного Епишко.

– Дрыхнешь? – грубо спросил он вместо приветствия. – А это что на тебе за обломовский халат?!

– Так суббота же, – пролепетал ошеломленный Епишко, стыдливо запахивая засаленную хламиду.

– Позвольте, – решительно сказал Звягин, содрал с него, преодолевая сопротивление, халат и запихал в помойное ведро.

– Соседское! – взвизгнул Епишко, бросаясь к ведру и путаясь в длинных сатиновых трусах.

В ободранной берлоге, пока Епишко, прыгая на одной ноге, влезал в брюки и путался в рукавах свитера, Звягин снял со стола чайник, полил на стул, тщательно вытер подозрительным полотенцем и уселся, скрестив вытянутые ноги.

– Свински живешь, хозяин, – был результат осмотра.

– У меня была депрессия, – обиженно пояснил Епишко.

– Так ведь депрессия, а не паралич, – справедливо возразил Звягин. – Пол-то вымыть можно? Вот и тряпка, – брезгливо ткнул в епишкинский свитер.

– Слушайте, мне сержант не нужен! – От обиды Епишко осмелел.

– Я был майором, – успокоил Звягин. – Медицинской службы.

И погнал хозяина готовить завтрак.

– Стаканы перемыть, – приказал он, взглянув их на свет. – За такое в повторный кухонный наряд гонят. А это что – чай?.. Это моча дохлого поросенка. Чай заваривают из расчета чайная ложка на стакан. Учитывая сортность, можно больше.

Епишко ощутил себя в стальных тисках чужой воли.

– Веник есть?

– Вообще-то есть... – неопределенно отозвался он.

– Холодильник сломан?

– Если видели, так чего спрашивать.

– Я не видел, я догадываюсь. Одежду часто рвешь?

– А? Ну рву иногда...

– Молодец, – глумился Звягин. Сильными длинными пальцами согнул торчащий в стене гвоздь, раскачал и выдернул. Та же судьба постигла гвоздь в подоконнике и дверном косяке. – Эх, – с вожделием сказал он, – сдать бы тебя на пару лет в хороший стройбат! Лентяй. Бездельник. Неряха. Ты в труд веришь?

– Не знаю, – уныло ответил Епишко, пытаясь сообразить масштабы очередного несчастья, обрушившегося на него в виде напористого диктатора, благоухающего французским одеколоном.

– Труд создал человека, – ободрил Звягин. – Ну – немного трудотерапии! Прачечная у тебя далеко? Эх, занавесочки... эх, скатерочка... это что, наволочка? а по виду и не скажешь...

– Уйдите, – прошептал Епишко и отвернулся, вытирая слезы бессильного унижения.

– Оскорбился, – презрительно заметил Звягин. – Нюнит. Так дай мне в морду, если ты мужчина!

– И дал бы, если б мог, – неожиданно с вызовом ответил Епишко.

– О. Это уже лучше, – одобрил Звягин. – У тебя мама жива?

– Жива...

– Вот ее желей, а не себя. «Надежда и опора»! Выпороть бы тебя ради твоей мамы, да устав телесные наказания не позволяет. Давай чемодан! И сумку давай. Потасили твое голландское белье к трудолюбивым прачкам.

Солнце катилось по сияющим трамвайным рельсам. Девушка в окне четвертого этажа мыла рамы в веселом магнитофонном громе. Звягин мигнул ей, она засмеялась и уронила тряпку.

...На обратном пути Епишко сгребался и семенил под грудой полезных вещей: совок, швабра, веник, молоток, обои, гвозди, и проч., и проч.

– Какое прекрасное утро! – с чувством сказал Звягин, вздевая руку к легким облачкам. Епишко мрачно сопел. Дома он с грохотом свалил все в угол и утер пот.

– Мой дом – моя крепость! – Звягин отодрал болтающийся клочок обоев, с треском распахнул пыльное окно: – Ты стекла мыть умеешь, пожарник?

Епишко незамедлительно выдавил стекло, порезав руку, и горестно наблюдал, как тонкая струйка крови смешивается с мыльной водой и капает в лужицу на полу.

– Наплюй, – посоветовал Звягин, – в понедельник купим в магазине новое.

– Там не будет.

– Тогда у столяра в жэке.

– Его не поймать.

– Дома поймать.

– У него стекла не будет.

– За живые-то деньги? с чего бы не быть? Не делай проблем. У тебя пластырь есть? А бинта тоже нет? А йод? Ну хоть анальгин-то есть? – у меня от твоих подвигов уже башка потрескивает.

Жизнь переворачивалась: обои клеились, двери красились, барахло выкидывалось, изнемогающая от любопытства соседка звала есть оладьи и томно блестела глазами. Мельтешащий Епишко с завистью следил за скупыми точными движениями Звягина. Загрузил в новый таз гору носков и приступил к стирке, брызгая и суетясь, как енот-полоскун.

– Торопиться, – наставительно сказал Звягин, – означает делать медленные движения без перерывов между ними. Заповедь первая: не суетись. Не дергайся.

За полночь он вернулся домой и полез под душ.

– Тебе же завтра сутки дежурить, – вздохнула жена, открывая холодильник. – Ты родной дочери неделями не видишь.

– «Неудачей от него разит, как псиной», – сказал Звягин, кидая соломинку в стакан с молоком. – На что может рассчитывать человек, когда у него все в полном беспорядке?..

– Ну создашь ты ему порядок... Надолго ли?

– Понимаешь, он словно провоцирует все мыслимые и немыслимые происшествя обрушиваться ему на голову. Некоторым ведь втайне нравится быть страдальцами. Они от этого получают удовлетворение, раз не могут получать удовлетворения от другого.

– Ну что же ты тут можешь изменить, Леня?..

– Дать ему понюхать удачи. Ощутить ее вкус. И отучить его жалеть себя и растравлять свои горести. Налей еще...

Он посчитал, что полученного заряда Епишко хватит на три дня, и навестил его на четвертый.

– Почему верхний свет не горит?

– Лампочка перегорела.

– Почему новую не вкрутил?

– Нету...

– Не мог купить?

– Да вроде была... а стал искать – не нашел... – Епишко пребывал в самом мрачном расположении духа. Он сел в старенькое кресло в углу и нахохлился, как мокрый воробей.

– Вы говорите: то, се... Но как бороться с тем, что автобус уходит из-под носа? Что твоя очередь к кассе всегда медленнее других? Что в магазине оказывается санитарный день, а часы в самый неподходящий момент встают?

– Тьфу. Выходить на автобус за пятнадцать минут. Не обращать внимания на соседние очереди. Раз в год отдавать часы чистить и регулировать. В магазин перед выходом звонить. Усвой простое правило: делать все не в последний миг, а сразу, как только можно.

– А билет на поезд?

– Закажи за тридцать суток с доставкой на дом – это свободно.

– А выберешься за город – и вдруг дождь?

– Слушай прогноз погоды. Возьми зонтик.

– А он теряется!

– Сунь в сумку, повесь через плечо.

– А то, что ногу подворачиваешь по дороге?

– Бегай по утрам, делай зарядку, разминай суставы, связки.

– От судьбы не застрахуешься, – упорствовал Епишко. – Я вот знаю случай: в грозу человека в чистом поле убило.

– А не лезь в грозу в чисто поле! – обозлился Звягин. – А влез – так держись по низинкам. Короче: жить хочешь? Если нет – я пошел.

– Хочу, – тоскливо сознался Епишко.

– Тогда держи, – Звягин достал подарок: блокнот и ручку. – Вставать – в семь ноль-ноль. И в течение получаса подробно записывать, что и когда сегодня надо сделать. Каждому делу отводить на двадцать минут больше нужного: иметь в запасе десять минут до начала и десять – после конца.

– У меня будильника нет, – облегченно сказал Епишко.

– Я предупредил соседку: уж позаботится, чтоб ты не проспал!

Неделю Епишко старался, как прощенный второгодник. Стосковавшись по утреннему сну, объявил грохочущей в дверь соседке, что болен, температурит, и позднее пойдет в поликлинику. Но до поликлиники он не дошел. Медицина явилась к нему на дом, с треском распахнув дверь ногой и роняя капли с зонта.

– Ну? – угрожающе спросил Звягин.

– К-как вы вошли?.. – всполошился Епишко.

– Взял запасной ключ у твоей соседки. Что болит – мозоли от подушки?

Раскрыл сумку:

– Градусник сюда... Покажи-ка язык... пульс... кулак сожми – давление хоть в десант... Скудоумный симулянт! Клистир и холодную простыню – вот что я тебе прописываю! И учти – с живого я с тебя не слезу, – пообещал Звягин.

Подстанывая от старательности, Епишко кинулся приводить себя в порядок.

- Холодильник исправен?
- Нет... Я не успел зайти в ателье!
- Чем так был занят?
- Там все равно на год очередь... У меня денег нет!

Звягин нехорошим взглядом обвел комнату:

- Сейчас будут. – И снял с тумбочки телевизор.
- Что вы делаете?! – закричал Епишко.

– Придержи дверь. – Звягин боком прошел в коридор. – Беги ловить такси.

Выйдя из скупки телевизоров на Апраксином, он протянул Епишко шестьдесят рублей:

– Получи цену крови за свой антироботин.

– Зачем вы продали мой телевизор?! – взбунтовался Епишко, наскакывая на Звягина к немалому развлечению прохожих.

– Чтоб ты делал свою жизнь, а не смотрел на чужие, – вразумительно отвечал Звягин.

В буфете «Европейской» он купил коробку конфет, которую и вручил приемщице в ателье ремонта холодильников: осклабился, прищурился, пророкотал ей что-то на ушко. Приемщица засмеялась, заволновалась и исчезла.

– Завтра в первой половине дня, – щебетнула она, выныривая из-за занавески и улыбаясь обольстителю.

– Учись, пока я жив, – посоветовал на улице Звягин ослепленному этим фейерверком Епишко. – Холодильник вообще полезнее телевизора – не отнимает время, а наоборот экономит, храня продукты, – а в здоровом теле здоровый дух. Кстати о теле – сейчас купим тебе гантели и тренировочный костюмчик подешевле: бегать по утрам будешь.

– Я под машину попаду, – мстительно сказал Епишко.

– Похоронят, – равнодушно отозвался Звягин.

И стал рассуждать о везении и невезении. Вечный вопрос. «Что было бы, если б такой-то избежал невезения...» Говорят, в характеристиках западных капитанов даже есть графа: «Удачлив ли?» На удачу надо плевать – тогда она придет сама. И быть к ней готовым: недостойному она не поможет – он не сумеет ею воспользоваться, удержать. Ее надо добиваться, но на нее нельзя рассчитывать: везет тому, кто сам себя везет. Когда человек может и без удачи, своим горбом и разумом добиться цели – при любых обстоятельствах! – вот тогда удача сама идет навстречу.

Газовали грузовики, мигали светофоры, текла толпа, – Звягин рубил воздух ладонью, вбивая в Епишко тезисы, как патроны в обойму. Неудачи бессильны против того, кто твердо гнет свою линию. Раз не везет, два, сто, – но не бесконечно. И когда человек обретает умение и мужество держаться вопреки любому невезению – вот тогда он в порядке; и с первой крохой удачи – а эти крохи выпадают всем! – он поперет, как танк.

В дальние дали несло бледнеющего Епишко напором чужой страсти. Но страшно было оторваться от привычного причала.

– Но ведь бывают случайности, когда рушится все?

– У настоящего человека – практически нет! Цезарь в лодчонке нарвался на весь вражеский флот – приказал править к флагманскому кораблю и объявил всех своими пленниками! Верить в себя! Верить. И делать все возможное – тогда невозможное получится само!

«Его нельзя оставлять без присмотра... Но не могу же я пасти его ежедневно: у меня десять суточных дежурств, семья и собственные заботы...»

Расхаживая дома вдоль книжных полок, Звягин составлял список:

1. Джек Лондон. «Мартин Иден», «Морской волк», рассказы.
2. Э.Войнич. «Овод».
3. Б.Полевой. «Повесть о настоящем человеке».
4. В.Богомолов. «Момент истины».

5. Тарле. «Наполеон», «Талейран».
6. А.Парадисис. «Жизнь и деятельность Балтазара Коссы».
7. Р.Сабатини. «Одиссея капитана Блада».
8. Дюма. «Три мушкетера».
9. С.Цвейг. «Звездные часы человечества».
10. Трухановский. «Адмирал Нельсон».
11. Джованьоли. «Спартак».

Дочь заглянула ему через плечо:

– Если это список рекомендательной литературы мне на лето, папочка, то биографий я терпеть не могу, а остальное, кончив уже восьмой класс, давным-давно читала!..

– Это не тебе, – Звягин взъерошил ей светлую короткую стрижку.

– А-а, твоему неудачнику! Он еще не стал суперменом?

– Уже научился злиться, следить за собой, мечтать, кажется, начинает... Парень впечатлительный, пусть читает книги, укрепляющие дух: они заразительны. Не помешает.

Епишко честно читал Лондона, сидя в честно убранной комнате, когда Звягин ввалился к нему с шахматами и учебником для начинающих:

– Семь рублей сорок копеек – с тебя. Доставка бесплатно.

– 3-зачем мне шахматы? – удивился Епишко. – Я гантелями занимаюсь! – гордо добавил он, надувая грудь и топыря плечики.

– Дисциплинировать мышление. Уметь сосредотачиваться. Искать варианты и не зевать. Защищаться и добиваться победы. Игра древних владык, – а уж они понимали толк в судьбе. Расставляй!

И трижды разнес хозяина в дым, даже не трогая тяжелых фигур.

Через неделю Епишко, проработавший пол-учебника, неким чудом сумел свести вничью.

– Прогресс, – обронил Звягин. – Когда сумеешь выиграть, сделаю тебе один подарок. Не угадывай, не представишь.

Заинтригованный Епишко зашел раз-другой в Екатерининский садик, где на скамейках под сенью листвы разыгрывали баталии всевозможные любители шахмат: уж они-то знали и умели все. Настал день, когда он звенящим от торжества голосом объявил противнику мат.

– Ты смотри! – кисло признал Звягин. – Способности, что ли?

– Я еще в школе когда-то немножко играл, – сияя и конфузясь, утешил Епишко. – Вы просто в миттельшпиле попали в ловушку, это Алехин...

– Алехин, – пробурчал Звягин. – По утрам бегаешь?!

– Бегаю...

– А брюки кто гладить будет?!

– Я в понедельник гладил...

– Развел опять свинарник!

– Леонид Борисович, – осмелел Епишко, – а... подарок?..

– Обещал – сделаю. В воскресенье.

Но еще до воскресенья, когда на подстанции «скорой» он дремал в комнате отдыха после выезда на дорожное происшествие, его позвали к телефону.

– Леонид Борисович! – ликующе заорала трубка.

– Чего орешь на всю станцию? – спросил Звягин.

– Мне дали премию!!

– Государственную?

– И благодарность в приказе! К годовщине театра! И десять рублей!

– Ну и нормально, – сказал Звягин. – Так и должно быть. Поздравляю, Толя.

– А что это у вас там хлопает?

– Бригада на выезд поехала. Ну, будь, не занимай телефон.

Он протянул трубку в окошко диспетчерше Валечке, положившей ее.

– У вас радость, Леонид Борисович? – любопытствовала Валечка.

– Больной на поправку пошел, – ответил Звягин. – А что, Валечка, похож я на афериста?

Дело в том, что премия Епишко стоила ему двухчасового уламывания начальника пожарной охраны («Епишке благодарность?!») и разъяснительной беседы с директором театра, которому он пообещал достать дефицитное лекарство для жены; с них еще была взята клятва хранить тайну.

Что же до воскресного подарка, то он был преподнесен в ЦПКиО. Первый желтый лист слетал на песок аллеи. Епишко лизал мороженое, изгибаясь вопросительным знаком, чтоб не закапать брюки.

– В блокнот все свои дела с утра записываешь?

– Записываю... почти все.

– На работу не опаздываешь?

– Всего один раз... чуть-чуть.

– А вот и подарок, – объявил Звягин, простирая руку. – Первый прыжок!

Они стояли перед парашютной вышкой. Епишко задрал голову, уронил мороженое и попятился.

Девичья фигурка встала на фоне неба, шагнула и поплыла вниз под куполом, скользящим по вертикальному тросу.

– Восемнадцатилетние пацаны прыгают с самолетов, ночью, на воду, на лес! – а тут тебя еще внизу страхуют.

Дядька под вышкой приобнял парашютистку; отстегнул лямки.

– А лямки не расстегнутся? – шепотом паниковал Епишко, подпихиваемый по крутой лесенке крепкой дружеской рукой.

– У меня семьсот прыжков, – успокоил Звягин, – исключено.

– Можно с-сломать ногу...

– А зачем?

Он пожал руку и шепнул что-то инструктору наверху, лично проверил мелко дрожащему Епишко крепление – и неожиданно сильно толкнул вниз:

– Ахх...

Ужинать он привел его к себе. Счастливый Епишко сидел за белой скатертью и неумело ковырял ложечкой пирожное: он стеснялся.

– Терпеть не могу условностей, – сказал Звягин и, подцепив пальцами пирожное, отправил в рот. – Аристократа не может уронить ничто. Всегда поступай как удобнее – и все будет отлично.

– Простите, вы каким видом спорта занимались? – спросила проинструктированная жена.

Епишко покраснел.

– У вас, знаете, такая упругая походка человека, много занимавшегося спортом.

Правда, прощаясь, Епишко опрокинул-таки вешалку, на что умница-дочь мгновенно закричала, что эта проклятая вешалка падает на нее каждый день, и давно пора ее выкинуть!

Проснувшись среди ночи, жена обнаружила Звягина на кухне: поигрывая желваками и жестко щурясь, он писал крупным почерком:

«Я ЖЕЛЕЗНЫЙ.

Я ВСЕ МОГУ.

Я ВСЕГДА ДОБИВАЮСЬ СВОЕГО.

ТРУДНОСТЕЙ ДЛЯ МЕНЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Я СМЕЮСЬ НАД НЕВЕЗЕНИЕМ.

ЖИЗНЬ ПРИНАДЛЕЖИТ ПОБЕДИТЕЛЯМ.

*СДЕЛАТЬ ИЛИ СДОХНУТ!
Я ДОБИВАЮСЬ СВОЕГО ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ.
Я ИДУ ПО ЖИЗНИ, КАК ТАНК.
Я ОБАЯТЕЛЕН, СИЛЕН, НАХОДЧИВ, ВЕСЕЛ.
Я ГНУ СУДЬБУ В БАРАНИЙ РОГ.
УДАЧА ВСЕГДА СО МНОЙ.
ЖИЗНЬ – ЭТО БОРЬБА, И Я НЕПОБЕДИМЫЙ БОЕЦ.
Я НИЧЕГО НЕ БОЮСЬ.
Я ПОБЕДИТЕЛЬ, И ЖИЗНЬ ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ!
Я УВЕРЕН В СЕБЕ.
Я НЕПОБЕДИМ».*

Жена вытаращила глаза:

– Ты начал писать белые стихи или заболел манией величия?

Звягин нацедил в стакан молоко из холодильника и кинул туда голубую соломинку.

– У него сильнейший, застарелый комплекс неполноценности, – сказал он. – Это надо было переломить. Сейчас дело сдвинулось, он на взлете. Это надо развить, поддержать, закрепить. Вот – как бы аутотренинг. Пусть по утрам и на ночь повторяет себе сии заповеди. Человек ведь может убедить себя в чем угодно, – так надо убеждать в хорошем, а не плохом, нет?

– Думаешь, он уже переменялся?

– Нет, конечно. Еще не раз начудит, падет духом, станет опускаться опять. Тут и надо будет ставить подпорки, как под провисающие провода. А там и выздоровеет. Его невезение – как вирусы, которые здоровый организм давит автоматически. Его духу я и прописал цикл антибиотиков. А что, разве плохую «молитву» сочинил? – спросил он с авторской гордостью.

...Предоставленный сам себе Епишко продержался без опеки две недели. По истечении этого контрольного срока Звягин обнаружил признаки упадка:

– Чего рожа кислая? Веник! Швабру! Совок!!

С мусором из-под дивана вылетел пожухший лотерейный билет.

– Проверял... это старый.

Звягин брезгливо поднял двумя пальцами билет:

– Тираж двадцатого августа – какой же старый, пять дней прошло. Пусто?

Епишко неопределенно пожал плечами.

– Газеты нет? Нет. Спроси у соседки, это совсем недавно.

Епишко покорно, подчиняясь бессмысленному приказу, пошаркал ногами к соседке и принес «Труд». С неохотой повел пальцем по таблице – и открыл рот:

– Электрофон «Аккорд-стерео», девяносто рублей!..

– Врешь, – не поверил Звягин. – А серия? Покажи.

– Впервые в жизни, – ошарашенно прошептал Епишко. – Ур-ра!..

– Можно подумать, «Жигули», – сказал Звягин. – Нормально. Завтра получим в сберкассе и отоварим. Порядок давай!

Девяносто рублей употребили с толком: выбрали светлосерый пиджак вроде звягинского, брюки и голубую сорочку. Старый пиджак Звягин тут же сунул в урну: «Чтоб и духу его неудачливого не оставалось!» На оставшиеся два рубля Епишко вознамерился постричься «у мастера», и стал похож на помощника режиссера.

Позднее жена как-то поинтересовалась у Звягина, где его часы. Он досадливо дернул углом рта: потерял, – видимо, расстегнулся браслет, когда на выезде тащил носилки.

– Леня!

– Ну что?..

– Ты никогда ничего не теряешь.

– Ну вот – начал терять... Может, невезение заразно?..

– Заразно! Скажи правду. Почему ты должен еще свои деньги тратить на этого охламона! Ведь продал, продал?..

– А если б подарил? – укорил Звягин. – Ну, продал. Я не курю, не пью, не собираю марки – могут же у меня быть хоть какие-то самочинные мужские расходы? Ну купил я ему в сберкассе у одного выигравший билет... всего-то девяносто ре – а может они ему всю жизнь изменят.

Жизнь посредством девяноста рублей изменяться не спешила. На спинке стула висел вспученный пиджак в мерзостных разводах, а на самом стуле сидел Епишко и горевал.

– Я его постирал, – пожаловался он.

– Bravo, первая валторна! – поздравил Звягин. – Стирал – уже хорошо. А зачем? Профилактически? Или цвет плохой?

– Да я на улице об машину запачкался...

– Хорошо: ведь не попал под нее. У меня вчера на выезде человек поскользнулся и влетел головой в витрину – вот это да. А таких запачканных – полная химчистка. Почему туда не сдал?

– Там долго...

– А срочная? Встань-ка; мышцы окрепли, спина распрямилась, все в порядке, – да ты посмотри на себя в зеркало: у тебя же глаза другие стали! Мужчине жалеть тряпку, тьфу!

В «Мужской одежде» Звягин высмотрел серый костюм-тройку. Епишко сглотнул слюну.

– Бери. Рекомендую. Самое то.

Епишко удивился:

– Откуда деньги-то?

– А? – удивился Звягин. – А почему не заработаешь?

– Как?..

– Так же, как все... Ну – нет, так нет. Пошли.

Он оставил Епишко в глубокой задумчивости: почему одни зарабатывают деньги, а другие нет. И можно ли перейти из одной категории в другую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.